

О некоторых особенностях именного словоизменения в карельско-людиковской диалектной речи

А. П. Родионова

*Институт языка литературы и истории ФИЦ Карельского научного центра РАН,
г. Петрозаводск, Российская Федерация,
santrar@krc.karelia.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение: статья посвящена некоторым особенностям именного словоизменения карельско-людиковской диалектной речи. Карелы-людики традиционно проживают в ряде деревень и поселков юго-восточной части Республики Карелия в Олонецком, Пряжинском и Кондопожском районах. В языковом отношении людиковский ареал достаточно пёстрый, и, по мнению исследователей, это может быть связано с определённой незавершённостью процесса этнической и языковой консолидации, вызванной активным русским внедрением в связи с промышленным освоением края. Всего в людиковском наречии насчитывается 19 падежей: номинатив, генитив, партитив, аккузатив, транслатив, эссив, инессив, элатив, иллатив, адессив, аблатив, аллатив, комитатив, абессив, инструктив, пролатив, терминатив, аппроксиматив, адитив. Система склонения в наречиях карельского языка представляет собой упорядоченное и устоявшееся явление. Людиковскому наречию также присуща вся падежная парадигма, свойственная карельскому языку. Основные различия между наречиями и говорами, возникшие в людиковском наречии под влиянием вепсского языка, проявляются, прежде всего, в оформлении грамматических показателей и наличием в ней падежей послеложного образования (комитатива, элатива, аблатива, адитива, терминатива и аппроксиматива).

Цель: описание особенностей падежной системы карельско-людиковской диалектной речи.

Материалы исследования: статья построена на основе уже имеющихся источников, в том числе диалектных словарей и образцов карельской речи.

Результаты и научная новизна: заключается, прежде всего, в том, что, несмотря на уже имеющиеся труды (в основном финляндских учёных) полного описания падежной системы людиковского наречия карельского языка до настоящего момента не было. Так, например, в работе П. Виртаранта именная падежная парадигма в галлезерском говоре была представлена 11-12 падежами, и в которой не были выделены послеложные падежи. Людиковская падежная система, на наш взгляд, насчитывает 19 падежей.

Ключевые слова: карельский язык, людиковское наречие, падежная система.

Благодарности: исследование выполнено в рамках бюджетной темы АААА-А18-118012490344-5 «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада Российской Федерации: лингвистические исследования в социокультурном контексте». Выражаю благодарность моему главному научному наставнику: научному руководителю моей кандидатской диссертации – заведующей сектором языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН Нине Григорьевне Зайцевой и всем моим коллегам. Особые слова благодарности выражаю моим рецензентам и редколлегии журнала «Вестник угроведения».

Для цитирования: Родионова А. П. О некоторых особенностях именного словоизменения в карельско-людиковской диалектной речи // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 2. С. 284–293.

Some features of nominal inflexion in the Karelian-Ludic dialect

A. P. Rodionova

*Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Centre
of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation,
santrar@krc.karelia.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to some peculiarities of nominal inflexion of the Karelian-Ludic dialect speech. The Karelian-Ludic people traditionally live in villages and settlements of the South-Eastern part of the Republic of Karelia in Olonets, Pryazhinsky and Kondopozhsky districts. In terms of language, the Ludic area is quite various, and, according to researchers, this may be due to a certain incompleteness of the process of ethnic and

linguistic consolidation caused by the industrial development of the region. The Ludic dialect has 19 noun cases: nominative, genitive, partitive, accusative, translative, essive, inessive, elative, illative, adessive, ablative, allative, comitative, abessive, instructive, prolativ, terminative, approximative, aditive. The system of declension in the Karelian dialects is an orderly and well-established system. The Ludic dialect also has the same case paradigm as the Karelian language. The main differences between the dialects and subdialects formed in the Ludic dialect under the influence of the Vepsian language are manifested, first of all, in the form grammatical markers and in some new cases grammaticalized from postpositions (comitative, elative, ablative, aditive, terminative, approximative).

Objective: description of the features of the case system of the Karelian-Ludic dialect speech.

Research materials: the article is based on already available sources, including dialectal dictionaries and samples of Karelian speech.

Results and novelty of the research: lies, first of all, in the fact that, despite the already existing works (mainly of Finnish scientists), there has not been a full description of the case system of the Ludic dialect of the Karelian language to date. For example, in the work of P. Virtaranta the nominal case paradigm in the Gallezer subdialect was represented by 11–12 cases, and it did not identify the postpositional cases. The Ludic case system, in our opinion, consists of 19 cases.

Key words: the Karelian language, the Ludic dialect, case system.

Acknowledgments: the research was performed within the framework of the budget theme AAAA-A18-118012490344-5 "The Baltic-Finnish languages of the North-West of the Russian Federation: linguistic research in social and cultural context". I express my gratitude to my main academic mentor: scientific supervisor of my candidate's dissertation – head of Department of linguistics of Institute of Linguistics, Literature and History Karelian Research Centre Russian Academy of Sciences (ILLH KarRC RAS) Nina Grigoryevna Zaytseva and all my colleagues. Special words of gratitude I express my reviewers and the Editorial Board of the journal "Bulletin of Ugric studies".

For citation: Rodionova A. P. Some features of nominal inflexion in the Karelian-Ludic dialect // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2018; 8(2): 284–293.

Введение

Объектом исследования является язык карелов-люди́ков, традиционно проживающих в ряде деревень и поселков юго-восточной части Республики Карелия в Олонецком, Пряжинском и Кондопожском районах. В языковом отношении люди́ковский ареал достаточно пёстрый: в языке присутствуют отчётливые следы карельско-ливви́ковского, а также раннего русского влияния. В формировании границы между ливви́ковским и люди́ковским языковыми ареалами исключительно важную роль сыграл транзитный водно-волоковой путь, соединяющий Присвирье через Онежское озеро с Белым морем [8, 43].

В общих чертах можно отметить следующие характерные для люди́ковского наречия особенности: насыщенность трифтонгами, а также синкопированными и апокопированными формами» [5, 26–7]. Средний и южный люди́ковские диалекты ощутили на себе значительное влияние ливви́ковского наречия, северный – южных собственно карельских диалектов, а михайловский – вепсского языка [20, 1–12].

Материалы и методы

Статья построена на основе уже имеющихся источников, в том числе диалектных словарей и образцов карельской речи. При написании статьи были использованы описательный и сопоставительный методы.

Результаты

Система склонения в наречиях карельского языка представляет собой упорядоченное и устоявшееся явление. Люди́ковскому наречию присуща вся падежная парадигма, свойственная карельскому языку. Основные различия между наречиями и говорами проявляются, прежде всего, в оформлении грамматических показателей и наличием в ней падежей послеложного образования. Всего в люди́ковском наречии насчитывается 19 падежей, в то время как ранее именная падежная парадигма галлезерского говора была представлена 11–12 падежами, и в которой не были выделены послеложные падежи.

Номина́тив

Номина́тив, или именительный падеж, во всех прибалтийско-финских языках не имеет своего показателя, но существует как падеж и по сути является исходной формой имени, которая уже не свойственна остальным падежам. В единственном числе отвечает на вопросы *Ken? Mii?* Во множественном – *Ked? Mid?* Кто? Что? Характерное для номина́тива усечение гласной основы, или её выпадение, аналогично с вепсским языком, проявляется и в косвенных падежах: ср. с.-к. *akka* ливв. *akku*, люд. *akk(e)*, вепс. *ak* 'женщина'. Во множественном числе окончание *-d* (в севернолюди́ковских говорах *-t*) присоединяется к слабой согласной основе, где также может

произойти количественное чередование согласных.

Naine on mällai kohtuine ‘Женщина (жена) у меня беременная’ [17, 145], *Mužik ajau haugiden kere* ‘Мужик едет с возом, полным щуки’ [17, 64], *Td. Hebokaspūz om mustad mard’ad* ‘У ежевики черные ягоды’ [17, 65], *Koir da kaži ihasuttai, što l’outi omad iżandad* ‘Собака и кошка обрадовались, что нашли своего хозяина’ [17, 88].

Генитив

В людиковском наречии, как и во всех остальных, генитив в единственном числе имеет окончание -n, во множественном числе -den и отвечает на вопросы: *Kenen? Min?* Чей?:

Hukan haudoid pidetau ‘Используют волчьи ямы’ [17, 78], *Lumi seizou rīloiden oksil* ‘Снег лежит на ветках деревьев’ [17, 81], *Meiden kanad munitau hüviin* ‘Наши курицы несутся хорошо’ [17, 82], *Tämä on tämän kod’in iżand* ‘Вот дом этого хозяина’ (досл. Это – этого хозяина дом) [17, 92].

Аккузатив

Аккузатив – падеж особый, не имеющий своего формального показателя и выделяющийся по синтаксическому признаку [13, 71]. Аккузатив считают падежом объекта. В единственном числе он имеет два окончания -n (как в генитиве), и Ø (окончание отсутствует, как в номинативе). Форма множественного числа идентична с формой номинатива множественного числа.

Käveltäh sutkad vai toižed ‘Бродят сутки-другие’ [1, 39], *Hebotš suai hüvān varzan* ‘Лошадь родила хорошего (здорового) жеребёнка’ [17, 66], *Müöin regen heinād* ‘Продали сани дров’ [17, 66], *Hengähtüksei d’uoi kogo stokanan* ‘Одним вдохом целый стакан выпил’ [17, 68], *Heitau tšobatud tšentšoihei* ‘Оставит сапоги в сенях’ [17, 66].

В безличных предложениях у аккузатива окончание отсутствует: *Sīt tuodai lahd’od knäginaa tšuras-pieite i lahd’ottai ženixole paid* ‘Затем приносят подарки со стороны невесты и жениху дарят рубашку’ [17, 189].

Партитив.

Партитив, или частичный падеж, в единственном и множественном числе отвечает на вопросы *Keda? Mida?* В людиковском наречии карельского языка, как и в вепском, окончаниями партитива единственного числа являются: -d, и -t. Окончание -d присоединяется к сильной гласной основе (в тех случаях, где происходит количественное чередование согласных). Окончание

-t присоединяется к основе, оканчивающейся на согласный [6, 76]. Во множественном числе окончанием партитива выступает -d.

Kokoi taboittau lambahid, kanoid, vuonid, metšoid, d’uotšent... ‘Орёл охотится на овец, кур, глухарей, лебедей’ [17, 146], *Mällai abidad on enämbi kui miil* ‘У меня обиды больше, чем у остальных’ [17, 1], *Kuoritau maidos kandatest* ‘Снимает сливки с молока’ [17, 172], *Ostin laukas zaharid* ‘Купил в магазине сахар’ [17, 193], *Rugehed tildatetah* ‘Зерно чистят’ [17, 65].

Инессив

Окончание инессива состоит из двух компонентов: внутриместного коаффикса -s, и другого коаффикса -на (-nä), который восходит к окончанию локатива и считается первичным по своему происхождению [12, 15]. В людиковском наречии карельского языка инессив отвечает на вопросы: *Kenes (kes)?* В ком? *Miš?* В чём? *Kus?* Где? Данный падеж свойственен всем наречиям карельского языка. Окончаниями инессива в ливвиковском наречии является -s, в собственно карельском -ssA (-ššA), в людиковском -s(š), -ss, -z. Усечение окончания в косвенных падежах в людиковском наречии произошло, прежде всего, из-за влияния вепского языка:

Kodiš päččihe pandaa [18, 349] ‘Дома в печь положит’, *Leibät ende pašettih kodis* [18, 442] ‘Раньше хлеб дома пекли’, *Sinnä Kindahas* ‘Там, в Киндасове’ [1, 51], *Hebokaspūz om mustad mard’ad* ‘У ежевики черные ягоды’ [17, 65], *Meid’en kai oldau heinäs nurmel* ‘Наши все на сеносе, на лугу’ [17, 66].

Элатив

В людиковском наречии у элатива аналогичное с инессивом окончание -s, и падеж отвечает на те же вопросы: *Kenes (kes)?* Из кого/О ком? *Miš?* Из чего/О чем? *Kus?* Откуда?, что указывает на синкретизм инессива и элатива не только в людиковском карельского языка (аналогично с ливвиковским). Впрочем, если речь идёт о явной исходности (местное значение «откуда?»), то в людиковском, как и в ливвиковском в качестве окончания элатива может использоваться окончание -spiä, -spiäi. И в данном случае элатив называют падежом позднего послеложного образования: современное элативное окончание -spiä(i) образовано путём слияния -s-ового внутриместного элемента и послелога räin: -spräi<-s+ -räi<-s+räin; в людиковском наречии также произошло подобное явление. Древнее

окончание элатива *-sta, -stä* состояло из общего для всех трёх падежей элемента *-s* и древнего аблативного окончания *-ta (-tä)*: *<* -s-ta, *-s-tä* [3, 188]. Отметим, что в подобном виде это окончание характерно для элатива лишь в собственно карельском наречии.

Kived otetaa päčispie ‘Камни достают из печи’ [18, 351], *Tuoda zavodaspää* ‘Принести с завода’ [9, 396], *Silloi minä ruadospiäi tulín* ‘Тогда я с работы пришел’ [18, 354], *Postaspääi zavoditahes* ‘С погоста начиналось’ [1, 20], *Mit’ē tulou taivahspääi* ‘Что с неба идёт’ [21, 255], *Kokoi ottau dāže lambahan tuaspääi* ‘Орёл поднимет даже овцу с земли’ [17, 146].

Следует отметить, что при анализе языкового материала выяснилось, что элатив послеложного образования на *-spääi* не выступает во всех случаях, когда употреблялся старый элатив окончанием *-s*, т.е. и используется лишь в случаях явной пространственной исходности действия (местное значение «откуда?»). В остальных случаях употребляется форма старого элатива:

Heinarg pedrus spoasampühää suai ‘Сенокос длится с Петрова дня до Спасова поста’ [17, 66], *Kanttekkes voi luad’itau* ‘Из сливок масло делают’ [17, 106], *Kagražez d’auhos keit’etäi hutt* ‘Из овсяной муки варят кашу (загусту)’, *Huttu keitetäh rugehizes d’auhos i ozraizes* ‘Загусту готовят из ржаной и ячневой муки’ [17, 81], *Kisa ombeltu nahkas* ‘Сумка (киса) сшита из кожи’ [17, 135], *Riäpüöis kurnikke* ‘курник из ряпушки’ [17, 174].

В диалектной речи может также встречаться форма элатива на *-št*, которая свидетельствует о влиянии собственно карельского наречия на людиковское. Вполне вероятно, что информант находился в тесном контакте с представителями собственно карельского наречия, что отразилось на использовании элатива в разговорной речи:

Pašttagad ozrašť kürzäd ‘Пекут блины из ячменя’, *Paštetau kagrašť, nižušť, ozrašť kürzäd* ‘Печёт блины из овса, пшеницы, ячменя’ [17, 182].

В людиковских говорах встречается также редко употребляемая форма *s-piete*:

Stolas-piete kai kadottī ‘Со стола все упало’ [17, 97], *Mänou hän (hebo) d’uomai merei, kai lainehed lähtiškattai hänen hegistukses-piete* ‘Когда идёт она (лошадь) на море, воду пить, точно волны образуются от её дыхания’ [17, 100], *Otet’ t’ t’ päťšispieite* ‘Брали из печи’ [17, 120], *Suou hän kirdaižen tsaris-pieite* ‘Получит он от царя письмо’ [17, 133], *Sit tuodai lahd’od knäginaa tšuras-pieite i lahd’ottai ženixole paid* ‘Затем приносят подарки со стороны невесты и жениху дарят рубашку’ [17, 189].

Иллатив

Иллатив, или внутреннеместный падеж вхождения отвечает на вопросы *Kehe? Mihe? (Kehek? Mihek?) Kuna? (Kunak? Kune? Kunek?)* – В кого? Во что? Куда? В ед. числе окончание падежа присоединяется к сильной гласной основе, в тех случаях, где происходит чередование. Исторически окончание иллатива состояло из двух элементов: *-h-n*: *<*-h-en *<-s-en* [16, 83]. В собственно карельском и ливвиковском наречиях карельского языка окончанием иллатива является *-h*. Окончанием иллатива в людиковском наречии является *hV*, где *V* – гласная, которая пишется в конце формы после *-h* и, как правило, она совпадает с предыдущей конечной гласной основы [20, 249]: *muaha* ‘в землю’, *diäha* ‘в лёд’; *päivähä* ‘ко дню’, *heinähä* ‘в сено’, *peldoho* ‘в поле’, *suoho* ‘в болото’; *yöhö* ‘к ночи (до ночи)’, *myöhö* ‘в нас’; *puuhu* ‘в дерево’, *minuhu* ‘в меня’; *ruuhu* ‘в рябчика’, *kylyhu* ‘в баню’, *sygyzyhu* ‘в осень (до осени)’; *pertihe* ‘в избу’, *kodihe* ‘в дом’, *pienehe* ‘в маленький’, *kuldaažehe* ‘в золотой’ и т.д. Окончание *-i* в иллативе свойственно некоторым севернолудиковским говорам: *Meil vedetau ištudes lautšas neitšud oigedai puolei* ‘Девочка нас ведёт сесть на скамейку, на правую сторону’ [17, 91], *Ištuzuttai kaikin stola* ‘Усадил всех за стол’, *Mille himoitaiž ištuttada händäi t’emnitšai* ‘Мне хочется его в тюрьму посадить’ [17, 92].

В некоторых случаях произошло озвончение согласной в окончании:

Ud’žvege kai iškou ‘Все инеем (досл. в иней) покрылось’ [17, 462].

В некоторых севернолудиковских говорах окончанием иллатива может выступать удлинённая согласная:

Lähten heboižt ‘Пошёл за лошадьми (куда?)’ [17, 65], *Mäne heinā* ‘Иди за сеном (куда?)’ [17, 66], *Kolmei nedält māni heinārg* ‘Сенокос длился до трёх недель’ [17, 66], *Nuoral heittäu akan norā* ‘По верёвке опустит жену в нору’ [17, 66].

-ze- присоединяется к основе ед. ч., последний слог которой начинается на *-h* *tervheze* ‘в здоровье’ *pyhäze* ‘в святого’

Окончание мн. числа *-he* (*-že* прибавляется лишь к основе, заканчивающейся на *-h*: *tervhiiže*, *pyhiiže*) присоединяется к слабой гласной основе, в которой происходит количественное чередование согласных (pp:p, kk:k, tt:t и т.д.): ср. *seppaha~sepähe*, *lukkuhu~lukuihe*, *kettuhu~ketuihe*.

Šiid e panet päčči ‘Потом и положишь в печь’ [18, 355]; *Läksin pilamaha meččaha* ‘Пошёл в лес, рубить’ [18, 400]. *Iše libui hebonnuste*

rīhei ‘Сам поспешил к своей лошади в ригу’ [17, 65], *Suoritau huhl’akš: paik šilmit pandau i käveldäü küläd müöi talos taloo i pläšitäu, käveldäü šündimmuas: rastavaz da vederistää suai* ‘Переодевается в смуты: платок на глаза повяжут, и ходят по деревне из дома в дом и пляшут, ходят во время Святков: от Рождества до Крещения’ [17, 76], *Rugehed pandau havaduehe* ‘Зерно кладут в мешки’ [17, 80].

В некоторых говорах людиковского наречия к окончанию иллатива -*ha* может присоединяться -*i* > -*hai*: *Taivahai kīlī lauland* ‘В небе (досл. в небо) доносилось пение’ [22, 120]; -*hei*: *Heitau tšobatod tšentšoihei* ‘Оставит сапоги в сеньях’ [17, 66].

Адессив

В серию внешнеместных падежей принято включать три падежа: адессив, аблатив и аллатив. В людиковском наречии карельского языка все три падежа употребляются. Падежное окончание состоит из общего форманта -*l*, который связан с идеей места на поверхности чего-то, к которому присоединяется формант -*na/-nä* (в инессиве), -*ta/-tä* (в элативе), -*n* (в иллативе) [3, 190].

Окончанием адессива в людиковском, как и в ливвиковском наречии выступает -*l*, в собственно карельском -*lla*. Падеж отвечает на следующие вопросы: *Kell?* У кого? *Mill?* На чем? *Kus?* Где?

Keiteta päčin hiilel ‘Варят на углях в печи’ [18, 349], *Toizel čural oli Lučanniemi* ‘На другой стороне озера был мыс Лучанниemi’ [1, 28], *kesküčal* ‘в центре’ [1, 36], *Meid’en kai oldau heinäš nurtel* ‘Наши все на сенокосе, на лугу’ [17, 66], *Talvel da keväzil d’ärvel d’iäl uhk rod’izou* ‘Зимой и весной на озере, на корке льда образуются шуги’ [1, 128].

Аблатив

Окончанием аблатива в людиковском наречии выступает -*l* (*piäi*), падеж отвечает на следующие вопросы: *Kel(piäi)?* С кого? *Mil(piäi)?* С чего? *Kus(piäi)?* Откуда (с поверхности чего-либо)? Внешнеместный падеж со значением отделения – аблатив с окончанием на -*lpiäi* встречается только в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка, падежным окончанием аблатива в собственно карельском наречии является -*lta* (-*ltä*).

Tule iäre päčilpe ‘Слезь с печи!’ [18, 364]; *Lähtää tančilpiä* ‘С танцев (из клуба) уходим’ [18, 385]; *Ku lähtet pogostalpiäin sid oli Samsuoimmägi* ‘Как пойдёшь от погоста, первой была гора Самсуойнмяги’ [1, 28], *Tuli niitulpiäi huondeksel* ‘Пришёл утром с сенокоса’ [1, 154], *B. Ruadolpiäi*

tul’di kodī i indaštettī ehtaižel ‘С работы пришли и поужинали вечером’ [17, 88].

Аллатив

Аллатив отвечает на вопросы: *Kelle?* (*Kellek?*) (Кому?), *Mille?* (*Millek?*) (Чему?), *Kuna?* (Куда?). Показателем падежа является окончание -*le*, встречающееся только в людиковском и в ливвиковском наречиях.

Huršcit lat’t’iale pandaa ‘Половики на пол стелят’ [18, 350], *Mel’l’ičäle viem* ‘На мельницу отнесу’ [18, 411], *Sil void mändä pogostale* ‘По нему можешь пройти к погосту’ [17, 22], *Iče kävüin ongele, niitüoile luoduloile* ‘Сама ходила рыбачить на эти луды’ [17, 26], *Pandau haugile maimakš lotoi* ‘Щуке на подкорм дают лягушку’ [17, 64], *Muamah heittäh polvizile i andau nännid kätküdeh lapsile* ‘Мать опускается на колени и даёт грудь в люльку, ребёнку’ [17, 67], *Lien tämile vierahile huiged i abid* ‘Я, возможно, обидел и унизил этих гостей’ [17, 78].

Эссив

Эссив отвечает на вопросы *Kenen?* (Кем?) *Min?* (Чем?), *Miččen päivän?* (В какой день?). Эссив по своему происхождению является падежом вторичного, *n*-ового происхождения. Данная группа падежей встречается в разных прибалтийско-финских языках. Наряду с окончанием эссива со старым местным значением на -*na* появилась форма на -*nta*, со значением *откуда?*, или *в качестве кого?*, по образцу -*lta*: *tulla nuorenta vanhaksi* ‘стать из молодого старым’, а также и форма на -*nne* в местном значении, отвечающей на вопрос *куда?* по образцу на -*lle(n)*. Эссив на -*na* заменялся на эссив на -*nnä*, а в южных диалектах карельского языка исторически стал окончанием -*nni*, -*nnu*, -*nn*, о чем речь уже шла выше [3, 190–191]. Окончание эссива, аналогичное генитивному -*n*, очевидно вследствие влияния вепсского языка, свойственно михайловскому и севернолюдиковским говорам, -*nni* (как и в ливвиковском наречии) выступает в среднелюдиковских говорах.

Oli storožannu enzimäi Ondr’ovan Vas’a ‘Сторожем был вначале Вася Ондрееван’ [1, 33], *Naižele ezma pidi leip pašta pühäpäivan* ‘Женщине нужно было хлеб печь в воскресенье’ [18, 393], *Pruazniekan ei olnu terveh* ‘На праздник не был здоров’ [17, 97], *Sn. Tänä vuoden oo šühernehpalgod* ‘В этом году стручки у гороха большие’ [17, 69].

Транслатив

Транслатив отвечает на следующие вопросы: *Keneks?* (Стать кем?) *Mikš?* (Стать чем?). В карельском языке в собственно карельском наречии окончанием транслатива является *-ksi* (как и в близкородственном финском), в ливвиковском *-kse*. Окончанием транслатива, например в михайловском, гомсельгском, намоевском, виданском говорах является *-ks*, *-kš* (конечная гласная в окончании выпала), носители пряжинского, святозерского, а также некоторых среднелюдиловских говоров (Виданы) употребляют в качестве окончания транслатива *-kse* (как и в ливвиковском наречии).

Meile tuli predcedatel' üökš 'К нам **на** ночь председатель пришёл' [18, 364]; *Meit tüöttih kahteks nedälikse* 'Нас отправили на 2 недели' [1, 268]; *Meile üökse tuli* 'Пришёл на ночь' [1, 257], *Üön aiga edgo voi huomeneks murginakse suada kalad?* 'За ночь можешь **к** завтрашнему обеду достать рыбы?' [17, 79], *Štd viertäväkš hüvin kuivav* 'Затем **к** пожегу высохнет хорошо' [17, 82], *L'ähte tšuasukš, a prost'ize igäkš* 'Уходишь **на** час – прощайся навсегда' [17, 87], *Tuhad rubl'ad kükš polutšin* 'За месяц тысячу рублей заработал' [17, 176].

Абессив

По своему происхождению абессив связан с прилагательными с основой на *-ttoma* (*-ttömä*), которые имели когда-то основу на *-ttama* (*-ttämä*). В свою очередь, абессивное окончание состояло из двух элементов: *-tta+k* (*-ttä+k*), в одном из которых было сосредоточено отрицательное значение (речь идёт о *-tta* (*-ttä*), суффикс *-k* был дополнительным [3, 191]. Отвечает на вопросы: *Kedat(t)a(i)?* (Без кого?) *Midat(t)a(i)?* (Без чего?)

Ülen äij gost'id pageni pert't'is šuapkata irale 'Очень много гостей выскочило на улицу **без** шапок' [17, 90], *Endzimažel heboł ajuoi itše [mužik], a toine hebo tul' i d'älē itšetä* 'На первой лошади ехал сам (мужик), но вторая лошадь пришла **без** (наездника)' [17, 93], *Kahettaikümmenttai minutattai kakš* '(Время) **без** двадцати минут два' [17, 102], *Kahettaikümmenttūi minutattai kakš* 'Без двадцати минут два' [17, 240] ср. *kahtkümmentad minutad vajag*. *B. Se hebo tühd'äl, iżandattā, mäni* 'Эта лошадь пустой, **без** хозяина, пошла' [17, 457].

Meiden muou vastattai vierahid rahvahid šuapkatta i hüvälneh 'В наших краях гостя встречали **без** головного убора и уважительно' [17, 350].

Для прионежского диалекта вепского языка употребление абессива характерно при наличии предлога *ilma* 'без' в сочетании с абессивом, при

этом сочетании создаётся двойное отрицание [6, 87]. Подобное двойное отрицание свойственно и людиковским говорам: *Ilmai hänettai mina sproavin dielon* 'Я **без** него справлюсь' [17, 89].

Инструктив

Инструктив – падеж орудийный, отвечает на вопрос *Mil keinoin?* (Каким образом?). Инструктив (с окончанием на *-in*) относят к падежам первичного образования, который по своему происхождению схож с комитативом, и его первоначальное значение было таким же, как и комитативное – *с кем?*, позднее это значение преобразовалось в значение *как?* [3, 182].

A esli kudain perävännöv, kaksin ozin vastah 'А если кто-нибудь (магазин) разорит, то в двойном размере все окупится потом', *kakšinkümnenin rubl'in* 'по двадцать рублей (на человека)' [17, 102], *Kūžin kuaroin, šeit't'šemin, tobd'embiš kümnenin, nel'l'itošt* 'По шесть – по семь дуг (у лодки), у более крупных по десять-четыренадцать' [17, 161], *Midäže tüö pahoil mielin otette?* 'Что плохого вы на ум взяли?' [17, 237], *Vīžin rubl'in* 'По пять рублей' [17, 367], *Pal'l'hin piein* 'С непокрытой головой' [17, 297].

Пролатив

Малопродуктивный падеж, отвечает на вопрос *Miči?* (Через что?): *üöči kävüimme* 'с ночёвкой (ночами) ходили' [1, 28], *Rožaitse ruskotettau kui zor'aižed* 'Щеки (досл. по лицу) покраснели словно заря' [17, 370].

Пролатив на *-či* в людиковском наречии (как и в других наречиях карельского языка) находится на стадии исчезновения, а группа имён, обладающих формой старого пролатива, в большинстве своём адвербиализировалась либо сохранилась в построении послелогов, которые могут выступать и как служебные слова-послелогии, и как наречия.

Послеложные падежи людиковского наречия карельского языка

Одной из характерных особенностей людиковской падежной системы является возникновение в ней падежей на базе грамматикализации послелогов. Влияние вепского языка в этом случае наиболее сильно.

О слиянии послелога с формой имени и о превращении его в часть падежного форманта свидетельствуют нижеперечисленные критерии:

1) фонетические критерии: полная утрата ударения, полная утрата паузы, ассимиляция, гармония гласных, редукция послелога;

2) морфологические: новые падежные окончания входят в парадигматический ряд каждого слова;

3) синтаксические: в отличие от послелога, невозможно употребление нового форманта в функции наречия; возникает также частичное или полное согласование определения с определяемым словом; постоянное употребление нового форманта у однородных членов предложения и т. д. [6, 38–43].

Данные падежи свойственны, прежде всего, людиковскому и ливвиковскому наречиям, а также некоторым южнокарельским диалектам собственно карельского наречия карельского языка. В людиковском наречии карельского языка развилось шесть послеложных падежей: элатив, аблатив, комитатив, терминатив, аппроксиматив и редко употребляющийся падеж адитив (с формантом на *-heriäi*).

Об элативе и аблативе было сказано выше. Только в тех случаях, когда речь идёт о явной исходности (местное значение «откуда?»), в людиковском, как и в ливвиковском в качестве окончания **элатива** может использоваться *-spiä(i)*, его называют падежом позднего послеложного образования: современное элативное окончание *-spiä(i)* образовано путем слияния *-s*-ового внутрениместного элемента и послелога *räin*: *-späi<-s+ -räi<-s+räin*. В людиковском и ливвиковском наречии карельского языка окончание **аблатива** аналогично элативу образовано путём слияния *l*-ового элемента и послелога *räin*: *-lräi< l+ -räi< l+ räin*. Отметим, что новые поздние формы аблатива, как и элатива являются исключением из правила гармонии гласных, однако его существование также признается большинством исследователей карельского языка.

Адитив

Одной из особенностей падежной системы людиковского наречия карельского языка является возникновение в ней ещё одного пространственного падежа, указывающего направления движения – адитива, состоящего из двух формантов: иллативного окончания и послелога *räin*. Данный падеж встречается также и в вепском языке [6, 150–151]:

Idas andamaa händ luodehepiäi ozuttau ‘Вечером взятый хвост (рыбы) направляют на северо-запад’ [17, 88], *Mutšoi kat’t’sou pit’kaiže mužikkā-piäi* ‘Жена долго смотрит на мужа’, *Kummardelezou mužikoihe-pieite* ‘Кланяется в сторону мужчины’ [17, 317].

Комитатив

Послеложный комитатив в карельском языке выделяется единодушно всеми исследователями, и в нем соблюдаются все фонетические критерии [11, 80]. Комитатив сформировался путём синтеза: окончания *-n* + послелога *kera* (*-nke< -n + kera; *kerda> kerd> ked> ke* [15, 58], который подвергся значительной редукции.

Kutsutau külii itkuvirzinke ‘Зовут в баню с плачами’ [17, 93], *Kadotin kukkaron d’engoidenke* ‘Потерял кошелёк с деньгами’ [17, 97], *Mužik ajuoi kahtel hebol kalanke* ‘Мужик едет на двух лошадях с рыбой’ [17, 103], *Mužikat kirvehedenke d’uokšikat’ti jogele hukkat tappamā* ‘Мужчины с топором в руке побежали на речку убить волка’ [17, 134].

Терминатив

В «Лингвистическом Атласе прибалтийско-финских языков» [15, 324–327] в комментарии к лингвистической карте, посвящённой послелогам *asti* и *saakka*, известный исследователь финно-угровед С. Сухонен утверждает, что последний (*saakka*) обязан своим происхождением глагольной основе *saa-*, из которой в ряде языков возникло, в том числе, и падежное окончание терминатива.

Окончанием терминатива в людиковском наречии карельского языка является *-ssai* [7, 84], а также *-suai*, где существенным отличием является то, что данный падежный формант не подчиняется гармонии гласных, аналогично как и окончание терминатива в вепском языке, где гармония гласных отсутствует.

Bogatterim Miikkulassuai ...Golospiäi L’evoskassuai... ‘от Богаттерин до дома Микула, от Голован до Левоски’ [1, 20], *Čarniemessuai* ‘до Чарнаволока’, *Präkkässuai* ‘до Прякки’ [1, 28], *Müö ehtässuai istuimme kodis* ‘Мы до вечера сидели дома’ [1, 245], *Magadan huondeksessuai* ‘Сплю до утра’ [17, 80], *Äsköi laskee, ku ett enambad igassai tulne* ‘Отпустит в том случае, если обещаете никогда больше не приходиться’ [17, 87].

Аппроксиматив

Аппроксиматив восходит к слиянию послелога *luo* с генитивной формой имени существительного на *-n*: *-n + -luo (-lyö) = -lluo (-llyö)* [4, 75], в атласе ALFE в комментарии к карте о послелоге *luona* сказано, что «в людиковских говорах и в вепском языке звуковой облик значительно стёрся, а показатель генитива *-n* ассимилировался с начинающим следующее слово

l-, а затем в ряде ливвиковских и людиковских говоров, а также вепсском языке, из послелого развилось падежное окончание [15, 338]. Следует отметить, что «Диалектологический атлас карельского языка» проблеме послеложных падежей не отражал. Формы послелого типа *luoda* 'от', *luo* 'к' со следами падежного оформления и без падежного оформления авторами атласа были рассмотрены. Так, в говорах карельского языка послелог *luo* 'к' со следами падежного оформления выступает в формах: *luoksi*, *luokši*, *luoh*, *luoho*, *luste*, без падежного оформления: *luo*, *löö*, *loo*, *luh*, *no*, *nu*, *lo*, *lu* [2, карта 136]. Послелог *luoda* также оформлен по-разному: *luoda*, *luota*, *luolta*, *luonda*, *luo*, *löö*, *loo* (+*päi*), *nu*, *no*, *lu* (+*päi*) [2, карта 135].

Аппроксиматив достаточно активно используется в речи информантами-людиками:

ср. люд.: *ištu poigalloh* 'сиди у сына' [1, 149], *štabaluo meänen* 'к штабу иду' [1, 265], *Ižand mäni hebolli* 'Хозяин пошёл к лошади' [17, 65], *Emmehäi müö tulnu šinulli*, *šina mida tul'id?* 'Мы к тебе не пришли, почему ты пришёл?' [17, 83]; *Mänou lapsinuste*, *suou lapsidenke viendamai* 'Идёт к детям, начинает с детьми играть' [17, 193], *Nltše libui hebonnuste rihei* 'Сам поспешил к своей лошади в ригу' [17, 65].

Следует подчеркнуть, что в разных говорах людиковского наречия этот падеж оформлен по-разному: носителями михайловского говора в качестве падежного окончания аппроксиматива используется *-nno* (*kodinno* 'у дома', ср. вепс. (*tuli*) *minunno* '(пришёл) ко мне', что указывает на влияние вепсского компонента в южных говорах людиковского наречия; жителями святозерского говора *-llo(o)*: *kodillo(o)*, пряжинского и кондопожских говоров *-lluo*: *kodilluo* (ср. ливв. *kodilluo*) [22, 96]. Отметим, что в близкородственном вепсском языке существуют два аппроксиматива: аппроксиматив 1. и аппроксиматив 2., первый оформлен показателем *-lou*, *-nou*, *-nnou*, *-ppo*: *minunno* 'ко мне', *d'ögenno* 'к реке', *bairinno* 'к барину', *l'ätoinlou* 'около огня', *ojaižennu* 'около ручейка', *d'er'ounalon* 'около деревни', второй аппроксиматив имеет окончания *-nloks*, *-nlost*, *-lrst*, *-lost* [6, 140–141]. Окончание аппроксиматива *-ppo* в михайловском говоре свойственно окончанию аппроксиматива в северновепсских говорах, что также подчёркивает влияние вепсского языка на падежную систему людиковского наречия.

Обсуждение и заключение

Влияние вепсского языка на падежную систему людиковского наречия очевидно не только в связи с возникновением в ней послеложных падежей, но и в связи с оформлением падежных окончаний в целом, прежде всего, в употреблении конечных гласных в абсолютном конце слова [14, 12]. Так, например, в большинстве людиковских говоров первичные конечные гласные, как и в вепсском языке, отпали; в части людиковских говоров конечные *a*, *ä* в определённых случаях переходили в *e*. Таким образом, произошло слияние некоторых падежных форм, вследствие чего изменился падежный состав как у ливвиковского, так и у людиковского наречий карельского языка. Утратив конечные гласные *-a*, *-ä*, а также и один из конечных согласных звуков, названные падежи совпали в языке по форме: инессив совпал с элативом, а адессив – с аблативом, и даже в некоторых говорах с аллативом. Инессив и элатив обозначают нахождение, а также выход из чего-то внутри предмета. Адессив и аблатив обозначают нахождение или выход с поверхности какого-либо предмета. Возможно, в данном случае для карельского языка (в отличие, например, от вепсского) семантика падежа была менее важна, чем семантика глагола. Кроме этого, в говорах людиковского наречия карельского языка генитив и эссив с окончанием *-n* имеют одинаково оформленные падежные окончания. Послеложные падежи также пока не выглядят до конца сформировавшимися, Все это представляет большую сложность при становлении письменных традиций и орфографии карельского новописьменного языка. И если письменность активно развивалась на собственно карельском и ливвиковском наречиях, то процессы ревитализации карельского языка, начавшиеся более двадцати лет назад в Карелии, практически не затронули людиковского наречия [10, 3]. Особую сложность при создании людиковской литературной нормы в дальнейшем будет играть и тот факт, что людиковские говоры сильно отличаются между собой, в том числе, оформление падежных окончаний в разных говорах. В связи с этим вопросы развития письменной традиции и орфографии на людиковском наречии стоят наиболее остро.

Список источников и литературы

1. Баранцев А. П. Образцы людиковской речи. Петрозаводск: Карелия, 1978. 287 с.
2. Бубрих Д. В. Диалектологический атлас карельского языка. Хельсинки: SUS, 1997. 10 с. + 209 с. карт.
3. Бубрих Д. В. Прибалтийско-финское языкознание. Избранные труды. СПб: СПбГУ, 2005. 381 с.
4. Дубровина З. М. Об образовании вторичных падежей из послеложных конструкций в прибалтийско-финских языках // Вестник ЛГУ. 1956. № 14. С. 69–86.
5. Зайков П. М. Глагол в карельском языке. Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 2000. 293 с.
6. Зайцева Н. Г. Именное словоизменение в вепсском языке. Петрозаводск: Карелия, 1981. 217 с.
7. Кокко О. Некоторые выражения даты в современном ингерманландском языке // Язык и народ. Социолингвистическая ситуация на Северо-западе России. СПб: Русский остров, 2003. С. 26–46.
8. Муллонен И. И. Формирование диалектной карты карельского языка // Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России. Материалы V Всероссийской конференции финно-угроведов (Петрозаводск, 25–28 июня 2014). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. С. 41–44.
9. Родионова А. П. Elgendät libo toimitat?: о личном опыте исследования карелов-людиков // Материалы XLII Международной филологической конференции (Санкт-Петербург, 11–16 марта 2013). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. С. 93–97.
10. Родионова А. П., Нагурная С. В., Чикина Н. В. Людики: вопросы сохранения языка и культуры. Исследования и материалы. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2017. 169 с.
11. Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Л.: Наука, 1977. 287 с.
12. Серебренников Б. А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. М.: Наука, 1964. 184 с.
13. Федотова В. П. Очерк синтаксиса карельского языка. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 1990. 157 с.
14. Хмяляйнен М. М. О развитии гласных в конце слова в карельском и вепсском языках // Прибалтийско-финское языкознание. М.; Л.: изд-во Академии наук, 1963. С. 12–22.
15. Atlas Linguarum Fennicarum 1 / Helsinki: SKS, 2004. 464 s.
16. Häkkinen K. Suomen kielen äänne- ja muotorakenteen taustaa / K. Häkkinen. Turku: Fennistica 6, 1985. 132 p.
17. Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja / J. Kujola. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1944. 543 p.
18. Näytteitä karjalan kielestä I (Образцы карельской речи). Joensuu; Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, Университет Йоэнсуу, 1994. 455 с.
19. Tikka T. Vepsän suffiksoituneet postpositiot / T. Tikka. Uppsala: Studia Uralica Upsaliensia 22, 1992. 208 s.
20. Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. I. Konsonantit. Helsinki: Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. 1946. № 89. 338 p.
21. Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä, I. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura 129, 1963. 453 s.
22. Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä, II. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura 130, 1963. 419 s.
23. Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä, III. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura 131, 1964. 402 s.

References

1. Barantsev A. P. *Obrazcy ljudikovskoj rechi* [Samples of the Ludic speech]. Petrozavodsk: Izd-vo «Karelija» Publ., 1978. 287 p. (In Russian)
2. Bubrikh D. V. *Dialektologicheskij atlas karel'skogo jazyka* [Dialectological atlas of the Karelian language]. Helsinki: SUS Publ., 1997, 10 p. + 209 maps. (In Russian)
3. Bubrikh D. V. *Pribaltijsko-finskoe jazykoznanie. Izbrannye trudy* [Baltic-Finnish linguistics. Selected works]. Saint-Petersburg: SpbGU Publ., 2005. 381 p. (In Russian)
4. Dubrovina Z. M. *Ob obrazovanii vtorichnyh padezhej iz poslelozhnyh konstrukcij v pribaltijsko-finskih jazykah* [About formation of secondary cases from postpositional constructions in the Baltic-Finnic languages]. *Vestnik LGU* [Bulletin of Leningrad State University], 1956, no. 14, pp. 69–86. (In Russian)
5. Zaykov P. M. *Glagol v karel'skom jazyke* [The verb in the Karelian language]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU Publ., 2000. 293 p. (In Russian)
6. Zaytseva N. G. *Imennoe slovoizmenenie v vepsskom jazyke* [Noun inflexion in the Vepsian language]. Petrozavodsk: Izd-vo «Karelija» Publ., 1981. 217 p. (In Russian)
7. Kokko O. *Nekotorye vyrazhenija daty v sovremennom ingermanlandskom jazyke* [Some expressions of the date in the modern Ingermanland language] *Jazyk i narod. Sociolingvisticheskaja situacija na Severo-zapade Rossii* [Language and people. Sociolinguistic situation in the North-West of Russia.]. Saint-Petersburg: Izdat. Dom «Russkij ostrov» Publ., 2003, pp. 26–46. (In Russian)

8. Mullen I. I. *Formirovanie dialektnoj karty karel'skogo jazyka* [Forming of the dialect map of the Karelian language]. *Finno-ugorskie jazyki i kul'tury v sociokul'turnom landshafte Rossii. Materialy V Vserossijskoj konferencii finno-ugrovedov (Petrozavodsk, 25–28 ijunya 2014)* [Finno-Ugric languages and cultures in the socio-cultural landscape of Russia. Materials of the V All-Russian Conference of Finno-Ugric Studies (Petrozavodsk, June 25–28, 2014)]. Petrozavodsk: Karelskij nauchnyj centr RAN Publ., 2014. pp. 41–44. (In Russian)
9. Rodionova A. P. *Elgendät libo toimitat?: o lichnom opyte issledovanija karelov-ljudikov* [Elgendät libo toimitat?: about the personal experience of research of the Karelian-Ludic people]. *Materialy XLII Mezhdunarodnoj filologicheskoy konferencii (Sankt-Peterburg, 11–16 marta 2013)* [Materials of the XLII International philological conference (Saint-Petersburg, 11–16 March, 2013)]. Ed. by N. N. Kolpakova. Saint-Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU Publ., 2013. pp. 93–97. (In Russian)
10. Rodionova A. P., Nagurnaya S. V., Chikina N. V. *Ljudiki: voprosy sohraneniya jazyka i kul'tury. Issledovanija i materialy* [The Ludians: issues of preservation of language and culture. Researches and materials]. Petrozavodsk: Karel'skij nauchnyj centr RAN Publ., 2017. 169 p. (In Russian)
11. Ryagoev V. D. *Tihvinskij govor karel'skogo jazyka* [The Tikhvin dialect of the Karelian language]. Leningrad: Izd-vo «Nauka» Publ., 1977. 287 p. (In Russian)
12. Serebrennikov B. A. *Osnovnye linii razvitija padezhnoj i glagol'noj sistem v ural'skih jazykah* [The main lines of development of the case and verbal systems in the Uralic languages]. Moscow: Izd-vo «Nauka» Publ., 1964. 184 p. (In Russian)
13. Fedotova V. P. *Ocherk sintaksisa karel'skogo jazyka* [Essay on the syntax of the Karelian language]. Petrozavodsk: IJaLI KarNC RAN Publ., 1990. 157 p. (In Russian)
14. Hjamjalajnen M. M. *O razvitii glasnyh v konce slova v karel'skom i vepsskom jazykah* [About the development of vowels at the end of the word in the Karelian and Vepsian languages]. *Pribaltijsko-finskoe jazykoznanie* [Baltic-Finnish linguistics]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk Publ., 1963. pp. 12–22. (In Russian)
15. Atlas Linguarum Fennicarum 1. Helsinki: SKS, 2004, 464 p. (In Finnish, in Estonian, in Germany, in Russian)
16. Häkkinen K. Suomen kielen äänne- ja muotorakenteen taustaa. Turku: Fennistica 6, 1985, 132 p. (In Finnish)
17. Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1944, 543 p. (In Finnish)
18. Näytteitä karjalan kielestä I (Obrazcy karel'skoj rechi I). Joensuu-Petrozavodsk: IJaLI KarNC RAN, Universitet Joensuu, 1994. 455 p. (In Finnish)
19. Tikka T. Vepsän suffiksoituneet postpositiot. Uppsala: Studia Uralica Upsaliensia 22, 1992, 208 p. (In Finnish)
20. Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. I. Konsonantit. Helsinki: Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia, 1946, № 89, 338 p. (In Finnish)
21. Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä, I. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura 129, 1963, 453 p. (In Finnish)
22. Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä, II. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura 130, 1963, 419 p. (In Finnish)
23. Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä, III. Helsinki Suomalais-ugrilainen Seura 131, 1964, 402 p. (In Finnish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Родионова Александра Павловна, научный сотрудник Института языка, литературы и истории ФИЦ Карельского научного центра Российской академии наук (185910, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11), кандидат филологических наук.

santrar@krc.karelia.ru

ORCID ID: 0000-0001-5645-9441

ABOUT THE AUTHOR:

Rodionova Aleksandra Pavlovna, Researcher, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (185910, Russian Federation, Petrozavodsk, Pushkinskaya st., 11), Candidate of Philological Sciences.

santrar@krc.karelia.ru

ORCID ID: 0000-0001-5645-9441